

опасности; история повествует об одном монахе Ричарде, аббате св. Витона, в Вердуне, как он, придя в страну неверных, останавливался перед городскими воротами, отправлял богослужение и, испытывая постоянные оскорбления и насилия со стороны мусульман, вменял себе в славу переносить всякого рода бедствия во имя Иисуса Христа.

В глазах верных, после пилигримства, считалось важнейшей заслугой посвящать себя на службу пилигримам. Для приема странников устраивались госпитали (*hospes*, гость гостиницы) на берегах рек, на вершинах гор, среди городов и местах пустынных. С IX в. пилигримы, отправлявшиеся из Бургундии в Италию, находили себе приют в монастыре, устроенном на горе Ценис. В следующем столетии два монастыря для заблудившихся странников зашепили языческие храмы на горах Юпитера (*montes Jovis*), которые с того времени утратили свои языческие наименования и получили новые в честь своего святого основателя Бершарда из Мептоши. Христиане, ходившие в Иудею, имели много пристанищ, основанных благочестием на границах Венгрии и в странах Малой Азии...

Пилигрим считался привилегированным лицом среди прочих верных. По окончании своего странствования он приобретал особенную святость; его отправление и возвращение сопровождалось религиозными обрядами. Когда он шел в дорогу, священник подавал ему вместе с котомкой и посохом полотно с изображением креста; его одежды окроплялись святой водой, и духовенство провожало его с процессией до следующего прихода. Возвратившись на родину, пилигрим воздавал хвалу Богу и представлял священнику пальмовую ветвь для возложения ее на церковный алтарь в знак счастливо окончанного путешествия¹.

¹ Дю Канж в своем *Glossarium* под словом *Peregrinatio* объединил все, что в Средние века относилось к правам и обязанностям пилигрима. Когда кто-нибудь решался отправиться в Св. землю, он должен был получить согласие родственников и

Богатые предпринимали, однако, отдельные странствования только по одному тщеславию, и потому монах Глабер замечает, что многие христиане ходили в Иерусалим с целью изумлять собой и рассказывать по возвращении о виденных ими чудесах. Многих увлекала также любовь к праздности и перемене; иные желали увидеть новые страны. Были и такие христиа-

дозволение своего епископа; сначала обсуждали его жизнь и нравы и исследовали, не вследствие ли пустого любопытства видеть чужие страны идет он в Св. землю: в этом отношении соблюдалась особенная строгость к лицам духовным; боялись, что в них пилигримство было одним предлогом возвратиться к светской жизни. Когда оканчивались все подобные справки, пилигрим получал за обедней из рук епископа посох, котомку и благословение; ему давался сверх того род паспорта, которым рекомендовали странника монастырям, священникам и всем правоверным. Такие паспорта писались в следующей обычной форме, которая сохранилась до нас.

«Ко всем святым, достопочтенной братии, королям, властителям, епископам, графам, аббатам и проч. и ко всему христианскому народу, как в городах, деревнях, так и в монастырях! Во имя Бога мы свидетельствуем сим Вашему Величеству, или Вашему Сиятельству, что предъявитель сего, наш брат (такой-то) просил у нас позволения идти с миром на богомолье (туда-то), или для отпущения грехов, или для молитвы о нашем спасении; а посему мы вручили ему настоящую грамоту, в которой, приветствуя Вас, просим именем любви к Богу и св. Петру принять его как гостя и быть ему полезным на пути, как туда, так и оттуда, чтобы он возвратился здоров и невредим в дом свой; и по Вашему доброму обычаю, дайте ему счастливо провести дни свои. Да хранит Вас Бог присно царствующий в своем царствии. Мы приветствуем Вас от всего сердца». Затем следовала печать епископа или сюзерена. Получив такой паспорт, пилигрим должен был отправляться немедленно под страхом быть объявленным клятвopреступником; один епископ, и то в крайнем случае, мог разрешить от обета. В назначенный день родственники, друзья и все благочестивые люди провожали пилигримов на известное расстояние от города: там они получали благословение и пускались в дальнейший путь. На дороге стражник освобождался от всяких пошлин; его принимали в каждом замке и отказ считали вероломством; со странником обходился, как с капелланом, за столом которого он ел, если только по смирению не предпочитал сам оставаться наедине. На кораблях с пилигрима брали самую умеренную цену, а марсельцы перевозили даром на своих судах (*H, Eclaircissement*).